

11. *Fedotov, A.A.* Popytki tserkovnykh reform v tsarstvovanie svyatogo imperatora Nikolaya II [Attempts of the Church Reforms at the Times of St. Emperor Nicholas II]. (in Russian). Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/4244069.html>. (Accessed: 04.05.2019).

12. *Firsov, S.L.* Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.) [The Russian Church on the Eve of Changes (Late 1890s – 1918)]. Moscow, 2002. 623 p. (in Russian)

13. *Shkarovsky, M.V.* Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 20 veke [The Russian Orthodox Church in the 20th Century] // M.V. Shkarovsky. Moscow, Veche, Lepta, 2010. 480 p. (in Russian)

УДК 272.5

ТУЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917–1922 ГГ.: ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Священник Николай Евсеев
кандидат исторических наук,
и.о. заведующего кафедрой
общей и церковной истории,
секретарь Ученого совета
Тульской духовной семинарии
E-mail: evseevnikolay@yandex.ru

Для цитирования: *Евсеев, Н., свящ.* Тульская епархия в 1917–1922 гг.: Церковно-государственные отношения в условиях общественно-политических перемен // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 9. С. 97–113.

Аннотация

Установление нового государственного режима потребовало изменения характера государственно-церковных отношений в феврале и октябре. На примере Тульской епархии рассматриваются основные этапы и смысл изменений в отношениях между Церковью и государством в 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Церковь; власть; революция; церковная революция; епархиальный съезд.

Отношения государственной власти и общественных институтов независимо от эпохи и пространственного расположения являются одним из ключевых элементов в организации жизни на всех уровнях. Одним из таких общественных институтов в России является Русская Православная Церковь, занимающая в отечественной истории исключительное положение, обусловленное самоидентификацией большинства населения страны в качестве православных христиан. Кроме того, многие крупные деятели Церкви оказали значительное влияние на устройство государства, его становление и развитие, так же как и крупные государственные деятели не могли не повлиять на церковную жизнь. Взаимоотношения Церкви и государства в период до 1917 года не являются предметом исследования настоящей статьи, однако представляется необходимым отметить наличие взаимопонимания между Церковью и государством в дореволюционный период в мировоззренческих, ценностных вопросах, касающихся отношения к духовному миру человека.

1917 год провел черту в отношениях между Церковью и государством, заставив обе стороны искать новые формы общения и взаимодействия. В связи с данными событиями следует обозначить хронологические рамки, в которых в данной статье будут рассматриваться церковно-государственные отношения:

- февраль-октябрь 1917 г.;
- октябрь 1917–1922 г.

Обусловлены эти границы важнейшими событиями как в жизни государства, так и в жизни Церкви: Февральский и Октябрьский перевороты 1917 года, приход к власти большевиков и взятый ими курс на ликвидацию Церкви как института путем административно-репрессивных мер через отделение от государства и школы с лишением прав юридического лица (1918), кампании по вскрытию мощей (1918) и изъятию церковных ценностей (1921–1922); отказ от разрушения Церкви прямыми репрессиями и переход к тактике комбинированного разрушения Церкви путем поддержки или непосредственной организации внутренних расколов и разде-

лений, а также арестов наиболее авторитетных иерархов, клириков и мирян. Целью данной статьи является изучение указанных периодов, охватывающих отношения Церкви с властью с февраля 1917 г. по осень 1922 г., когда завершилась в основной своей фазе кампания по изъятию церковных ценностей.

После февральских событий пришедшее к власти Временное правительство дало Церкви понять, что в вопросах управления оно вплоть до созыва Учредительного собрания планирует сохранить существовавший в Российской империи порядок. Церковно-государственные отношения в период с февраля по октябрь 1917 года могут быть охарактеризованы как «настороженно-нейтральные», поскольку, с одной стороны, Русская Православная Церковь недвусмысленно выразила поддержку свершившимся изменениям в государственном устройстве в своем обращении к пастве от 9/22 марта 1917 г. [1, с. 297], а с другой стороны, Временное правительство назначило обер-прокурором Святейшего Синода В.Н. Львова, известного своим недоброжелательным отношением к иерархам консервативных взглядов и монашеству в целом. Вновь назначенный обер-прокурор сполна оправдал ожидания тех, кто предполагал радикальные перемены в управлении Церковью с его приходом: была произведена уже упомянутая смена состава Синода, приняты решения по упразднению духовных консисторий и замене их епархиальными советами и целый ряд иных решений, вся совокупность которых была обозначена обер-прокурором В.Н. Львовым как «церковная революция» [2].

Одной из наиболее активных в процессе «церковной революции» оказалась Тульская епархия. К началу революции 1917 года епархия имела 995 храмов различного типа, активно занималась благотворительной деятельностью, имела достаточно образованное и активное духовенство. В марте 1917 года, в связи с государственным переворотом, духовенство Тульской епархии провело чрезвычайный съезд, на котором, рассмотрев обращение Святейшего Синода к пастве, приняло решение поддержать позицию священноначалия и направило приветствие новой власти [3, с. 41–43]. Были также обсуждены вопросы организации епархиального управления и в ходе нескольких следующих съездов тульского духовенства к лету 1917 года была

сформирована трехзвенная структура епархиального управления: первичным органом стал уездный совет духовенства, далее благочиннический совет. Во главе системы церковных советов встал Тульский епархиальный совет, который должен был состоять из 10 членов: 3 священника, 1 диакон, 1 псаломщик и 5 мирян [4, с. 16].

22 июля 1917 года в здании Дворянского собрания открылся новый съезд тульского духовенства и мирян, в качестве главного пункта своей повестки имевший избрание нового правящего архиерея. На съезде было проведено предварительное голосование по избранию кандидатов на архиерейскую кафедру, а также в члены Всероссийского Поместного Собора. 23 июля, после Божественной литургии и молебна Спасителю и Божией Матери, совершенных в Успенском кафедральном соборе, состоялись выборы правящего архиерея. В результате тайного голосования епископ Каширский Иувеналий получил 417 избирательных голосов, протоиерей Владимир Введенский – 29, архимандрит Илларион (Троицкий), инспектор МДА – 17, архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) – 11, архиепископ Парфений (Левицкий) – 4, епископ Серпуховский Арсений (Жадановский), vikарий Московской епархии – 2, архиепископ Алеутский и Североамериканский Евдоким (Мещерский) – 1, епископ Палладий (Добронравов) – 1 [5, л. 2–3]. Таким образом, епархиальным архиереем большинством голосов был избран епископ Иувеналий [6, с. 10–14], временно управлявший Тульской епархией после ухода на покой архиепископа Парфения, избежав, таким образом, судьбы митрополита Московского Макария (Невского) и митрополита Харьковского Антония (Храповицкого), не избранных своими епархиальными съездами на кафедру. На основании проведенного голосования был составлен акт, врученный старейшему из служащих епископов. После обсуждения акта в алтаре он был подписан епископами и оглашен секретарем перед всеми присутствующими в храме. Епископ Калужский и Боровский Феофан провозгласил, а клир и миряне троекратно повторили избранному кандидату: «Αξιολογ» (Достоин!), была провозглашена благодарственная песнь «Тебе Бога хвалим!». Преосвященный Иувеналий обратился к избравшей его пастве с первым словом в сане правящего архиерея:

«С глубоким смирением, ясно сознавая все немощи свои и тяготу святительского служения, принимаю избрание ваше, твердо надеясь на то, что руководимы вы были волею Божиею, и вместе с тем прошу ваших молитв пред Богом о поддержке меня на трудном и ответственном пути» [6, с. 379].

В создавшихся политических условиях Русская Православная Церковь не могла больше находиться в пассивном ожидании своей судьбы, и с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г. в Москве был созван и работал Поместный Собор Русской Православной Церкви, подготовленный Предсоборным Советом, заседавшим в Москве в условиях кризиса власти 3–4 июля 1917 года. Совет обобщил материалы Предсоборного Присутствия и Предсоборного Соповещения довоенного времени и представил их на суд общецерковного разума. Важнейшим решением Поместного Собора 1917–1918 годов стало восстановление патриаршества, упраздненного императором Петром Великим в 1721 году.

Жребием на Московский патриарший престол был избран митрополит Тихон (Беллавин). Очередной, 37-й тульский епархиальный съезд духовенства и мирян, проходивший с 12 по 15 декабря 1917 года в здании Тульского епархиального женского училища, направил приветственную телеграмму святителю Тихону: «Тульский епархиальный 37-й съезд духовенства и мирян во главе со своими епископами радуется восстановлению в лице Вашем Главы, Отца, Молитвенника и Начальника всех верных чад Православной Русской Церкви и уповает, что Вашими Святейшими молитвами и трудами Церковь наша сохранится целой, непоколебимой до окончания века» [4, с. 30]. Избрание и интронизация Патриарха Тихона дали Церкви возможность сформировать соответствующий каноническому праву и канонической традиции порядок управления Поместной Русской Православной Церковью, что в условиях намечавшегося антагонизма между Церковью и пришедшими в октябре к власти большевиками позволяло консолидировать Церковь и подготовить ее к преследованиям со стороны нового, атеистического государства.

На съезде также обсуждался ставший уже наболевшим вопрос об участившихся случаях гонений духовенства со стороны прихожан, находившихся под влиянием антицерковной агитации. В качестве примера делегатами съезда было рассмотрено

прошение священника села Дертихина Белевского уезда Н. Твердова, где он подробно описал то, как его пасомые, с которыми он прожил не один десяток лет, восстали против него, ограбили, отобрали собственный дом. Священник был вынужден оставить свой приход и с семьей в 6 человек без всяких средств к существованию переселиться в Тулу. Это дело серьезно взволновало всех делегатов съезда. Единогласно было принято решение: принять троих детей священника на общепархиальное обеспечение, выдать ему единовременное пособие в размере 500 рублей, просить епархиальный совет предоставить священнику Н. Твердову возможность благоустройства и «в тех случаях, когда будет установлена злонамеренная агитация против священника со стороны низших членов клира..., карать виновных строгой мерой, дабы в корне пресечь участвовавшие подобные явления» [7, с. 8]. 13 декабря съезд образовал «Тульское епархиальное общество ревнителей Православной Церкви» с религиозно-просветительскими и миссионерскими целями и задачами. Выступивший на съезде епархиальный миссионер Димитрий Скворцов указал в своем докладе на своевременность, целесообразность и необходимость образования подобных обществ в епархиях в крайне тяжелое, смутное и опасное для Отечества и Церкви время. Но прежде всего было предложено организовать при этом обществе чтения и беседы о православной вере и нравственности с разного рода «заблуждающимися людьми», а именно: рационалистами, социалистами, коммунистами, сектантами и т.д. Для более подробного рассмотрения и решения всех вопросов, касающихся открываемого общества, съездом была избрана организационная комиссия в составе епархиального миссионера Д.И. Скворцова, протоиерея Капитона Виноградова, священника Михаила Знаменского, Т.Н. Нечаева, преподавателя семинарии А.В. Аболенского и др.

Поместный Собор 1917–1918 годов вынес целый ряд решений, касавшихся событий в стране. Кроме того, важные решения богослужебного и богословского характера, над которыми работали множество соборных отделов и крупнейших русских богословов и канонистов. В его работе участвовали представители практически всех епархий Православной Российской Церкви. Тульскую епархию представляли правящий архиерей епископ Иувеналий

(Масловский), а также В.А. Бобринский (по избранию от Государственной думы), протоиерей В.Ф. Введенский (по избранию, клирик Тульской епархии), М.Т. Губанов (крестьянин, мирянин от Тульской епархии), А.И. Краснопевцев (по избранию, мирянин от Тульской епархии, преподаватель Тульской духовной семинарии), Т.Н. Нечаев (по избранию, клирик Тульской епархии, псаломщик Свято-Никольской церкви г. Белева), Н.И. Троицкий (по избранию, мирянин от Тульской епархии, заведующий Тульской палатой древностей) [8]. Оценивая уровень подготовленности избираемых членов Собора, следует сказать, что подавляющее большинство из них оказались на высоте задач, стоявших перед Собором, обладали необходимым уровнем богословских знаний и живой верой во Христа.

Вплоть до конца 1917 года церковное руководство считало, что советская власть слаба, и поэтому, опасаясь гнева верующего народа, она не стала предпринимать решительных действий, направленных на ущемление интересов Церкви. «Так, несмотря на объявленный новой властью декрет о земле, включавший в себя пункт о национализации церковных земель, Собор 14 ноября обсуждал вопрос о переделе причтовых земель и даже установил нормы пользования церковной землей» [7, с. 91–92]. Большинство Собора рассматривало декрет о земле как декларацию, не имеющую под собой реальных оснований. Оно исходило из того, что советская власть не рискнет претворить его в жизнь до решения Учредительного собрания [10, с. 18–19]. Такой же подход был проявлен и в оценке решений советской власти, принятых в декабре 1917 года. Можно сделать вывод о том, что церковное руководство, да и в целом страна, общество, которые были представлены на Соборе вполне ярко и разнообразно, пока не осознавали всей опасности большевизма, не понимали, что это, собственно, такое.

В целом Поместный Собор 1917–1918 годов церковное сознание считает подлинным Собором, показавшим всю духовную силу Церкви, явившим ее божественную природу. Собор принял решения и подготовил проекты решений по целому ряду вопросов, прежде в церковной жизни не поднимавшихся, но от этого не терявшими своей остроты. В частности, Собором было принято решение о введении полусамостоятельных викариатств по епархиям

с целью приблизить архиереев к церковному народу. Это решение позволило резко увеличить число архиереев и, как показало будущее, сохранить Церковь и апостольское преемство в ее иерархии, и, таким образом, сохранить при любых возможных условиях каноническую церковную структуру.

В Тульской епархии такое викариатство было создано в Кашире. В сентябре 1917 года в г. Туле состоялось событие, значение которого для губернского города в условиях политических потрясений в стране невозможно переоценить. 17 сентября 1917 года в сан епископа Каширского по определению Святейшего Синода был посвящен архимандрит Корнилий (Соболев). Уникальность этого события как составной части процесса демократизации церковной жизни заключается в самой возможности совершения архиерейской хиротонии в провинциальном городе, поскольку в период империи хиротонии совершались в основном в Петербурге или Москве, политических и церковных центрах России. Наречение и хиротония состоялись в Туле, в ней участвовали архиепископ Владимирский Сергей (Страгородский), будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси; епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), викарий Московской епархии; епископ Тихвинский Алексей (Симанский), викарий Новгородской епархии, будущий Святейший Патриарх Алексей I и бывший ректор Тульской духовной семинарии; епископ Сердобольский Серафим (Лукьянов), викарий Финляндской епархии [11, с. 332].

Приход к власти большевиков в октябре 1917 года радикально изменил отношения Церкви и государства. Из «настороженно-нейтральных» они превратились в откровенно враждебные, поскольку партийная программа большевиков предусматривала ликвидацию религии и религиозных пережитков по мере строительства социализма и коммунизма. В первых декретах Совета народных комиссаров новая власть ясно дала понять, какого направления она планирует придерживаться в отношениях с Церковью. Необходимо обозначить основные документы, подготовившие почву для начала полномасштабного наступления советского государства на позиции Церкви: 26 октября 1917 г. «Декрет о земле» [12, с. 17–20] национализировал церковные и монастырские земли, 2 ноября «Декларация прав народов Рос-

сии» [13] отменила все национально-религиозные привилегии и ограничения, 11 ноября «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» [12, с. 72] лишил духовенство сословных преимуществ, 11 декабря принято Постановление СНК о передаче Народному комиссариату по просвещению всех учебных заведений [14, с. 21–22], 16 и 18 декабря изданы Декреты «О расторжении брака» [15, с. 247] и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [13], признававшие юридическую силу лишь за гражданским браком, 31 декабря опубликован проект декрета СНК об отделении Церкви от государства.

23 января 1918 года был издан «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» [15], который лишал Церковь прав юридического лица, предусматривал конфискацию всего церковного имущества и банковских счетов. Русская Православная Церковь перестала быть хозяином не только религиозных школ, земель, типографий, но и богослужебных книг, святых икон и святых престолов. Духовные пастыри отстранялись от воспитания народа, во всех российских школах запрещалось молиться и преподавать Закон Божий, монастыри приспособлялись под тюрьмы и жилье советских служащих, повсеместно закрывались домовые церкви, религия во всеуслышание объявлялась пережитком прошлого. Впредь государством признавались только группы мирян, заключающие с местными властями договор о найме храма для богослужений, а не духовенство.

Серьезным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей русских святых, ставшее первым мощным идеологическим ударом, нанесенным по Церкви. 1 февраля 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей специальными комиссиями в присутствии священнослужителей, подтвержденном протоколом. Если обнаруживалось, что мощи не сохранились в целостности, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман народных масс.

Таким образом, цель кампании, которой позже было дано название «мощейной», состояла в следующем: лишить Церковь поддержки верующих путем ложной интерпретации церковных постановлений, касающихся почитания мощей святых подвижников, обвинить духовенство в обмане паствы и спровоцировать

массовый отход от нее. Основным объектом идеологической обработки, несомненно, являлось крестьянское население, в большинстве своем представлявшее мощи в виде нетленных останков тел святых. Здесь следует сделать отступление, касающееся самого понятия «мощи святых». Православная Церковь вкладывает в это понятие следующее: мощами признаются любые останки человека, причисленного к лику святых, «как нетленные тела угодников Божиих, так и останки их в виде костей, не облеченных плотью» [16, с. 248].

Не осталась в стороне от «мощейной эпопеи» и Тульская епархия. В марте 1919 года в Белевской Жабынской пустыни проводилось вскрытие предполагаемого места захоронения останков преподобного Макария Жабынского, известного подвижника Тульской земли, жившего во второй половине XVI – первой четверти XVII века.

15 марта 1919 года на заседании Белевского исполкома было принято решение о проведении вскрытия мощей преподобного Макария. Уже на следующий день к работе приступила комиссия по вскрытию мощей, в состав которой вошли представители органов власти, верующих и профсоюзов. К 12 часам дня у монастыря собрались официальные представители численностью в 30 человек. Перед началом вскрытия иеродиакон Исихий (Косоруков) изложил перед собравшимися свое мнение о местонахождении мощей преподобного. Он категорично заявил, что преподобный Макарий погребен на том месте, где стоит рака. Настоятель, однако, не согласился с мнением иеродиакона и заявил, что достоверно местонахождение мощей преподобного Макария неизвестно, а версия, изложенная о. Исихием, – его частное мнение, опирающееся на устные предания [17, с. 2]. Далее раку сфотографировали и перешли к разрытию могилы. После предварительной разборки верхних украшений была снята крышка раки с изображением преподобного Макария. Рака оказалась пуста. Затем была разрыта могила на глубину до 3 аршин (немногим более 2 метров), в которой мощи не были обнаружены. При углублении раскопок до 6 аршин (т.е. практически 5 метров) мощи также не были обнаружены, что было отражено в акте, подписанном членами комиссии, группой верующих и настоятелем Жабынской пустыни архимандритом Макарием (Филатовым).

Разрытое место в храме Жабынской пустыни было представлено для обозрения, в течение более чем 10 дней сюда шли люди. В публикациях газеты «Белевский пролетарий» доказывалось, что монахи Жабынской пустыни знали об отсутствии мощей и сознательно обманывали народ [17, с. 3]. Изучая обстоятельства данного события и историю Жабынской пустыни, можно сделать вывод о том, что власти, не заботясь о поиске действительного места захоронения мощей преподобного Макария, приняли решение «развенчать» не только наиболее известное, но и наиболее противоречивое предание, вызывавшее недоумения и среди самих монахов. Однако в истории монастыря имеется другое предание, пользующееся гораздо большим доверием братии, и, надо полагать, более достоверное. Оно состоит в том, что преп. Макарий был похоронен под алтарем Никольского храма и перед смертью запретил когда-либо нарушать покой своих останков.

Неизвестно, был ли выбор властями другого предания сознательным, или о втором они просто не знали, однако сам результат вскрытия раки и могилы и констатация отсутствия мощей были им, несомненно, выгодны. В целом, кампания по вскрытию и ликвидации святых мощей была одной из немногих продуманных и, к сожалению, эффективных акций по подрыву доверия к Церкви со стороны паствы и обеспечения поддержки атеистическим мероприятиям большевиков в последующие годы.

Общеизвестны последовавшие затем события по изъятию церковных ценностей и гонения на духовенство. Кампания по разграблению храмов проводилась по всей стране. Особенно отличились экспроприаторы в Туле и губернии. Были изъяты и конфискованы свыше 812 пудов серебра, 15 фунтов золота, 575 бриллиантов, 1976 алмазов (более подробно тульская часть кампании будет рассмотрена ниже).

В Тульской епархии изъятие ценностей проходило также интенсивно, как и по всей стране, о чем свидетельствует циркулярное письмо губернского комитета РКП(б) в Белевский уездный комитет от 31 марта 1922 года: «Кампания по изъятию церковных ценностей приобретает весьма серьезное политическое значение. Усилению агитации контрреволюции мы должны развернуть бешеную контрагитацию среди беспартийных масс

за изъятие церковных ценностей» [18, л. 22]. Далее предлагаются методы проведения агитации: «...Стремиться указывать, что высшее духовенство, князья церкви, держатели церковных сокровищ не желают сдавать ценности, несмотря на широкое сочувствие верующих» [19, л. 68–68 об]. Здесь следует отметить попытку обвинить в отказе передавать ценности в пользу голодающих исключительно высшее духовенство и тем самым посеять раскол в среде духовенства и паствы, лишит иерархию морального права на управление церковным народом. Следующий пункт инструкции требует «отмечать при агитационных выступлениях, что низшее духовенство вполне разделяет настроения советской власти и убеждает верующих в правильности действий советской власти с точки зрения канонических законов, за некоторыми исключениями (злостное духовенство)» [18, л. 22], что подтверждает мысль об искусственной организации раскола в духовенстве. Важным представляется то, что власти особо настаивают на недопустимости указания «что еврейские синагоги и молельни сдают весьма охотно... указывая, что изъятию подлежат все ценности из всех церквей и мест религиозных действий» [18, л. 22]. Также в документе обращается внимание на то, что «...нужно указывать, что будет изъято все, за исключением предметов, необходимых для служебных надобностей, т.е. тех, без которых состояться молебствие не может. Драгоценности особо почитаемых икон и предметов подлежат изъятию наравне со всеми предметами» [20, с. 76]. Этим пунктом власти делают попытку замаскировать антицерковное направление кампании и сохранить внешние элементы уважения к чувствам верующих. Данная мысль находит свое подтверждение в следующем пункте инструкции: «При агитации указывать, что государственная власть тверда во имя спасения миллионов жизней и в целях восстановления разрушенного хозяйства Поволжья будет проводить изъятия, карая жестокой рукой все злостные элементы, в особенности всех тех, которые думают сыграть на темноте и предрассудках масс и вносить смуту в ряды верующих мирян» [21], т.е. власть намеревалась избежать обвинений в гонениях на Церковь путем обвинения сопротивляющегося изъятию ценностей духовенства в уголовном преступлении и контрреволюционных настроениях.

Кампания по изъятию церковных ценностей завершилась с противоречивым результатом. С одной стороны, власти удалось изъять весьма значительные средства у Церкви: ЦК Помгола на Тульскую губернию было дано задание собрать налог на 13 400 000 р., собрано на 1 сентября 1921 г. было 27 647 829 р. 50 к. (что к первоначальному заданию составило перевыполнение на 203%), а на 1 октября 1921 г. – 28 647 829 р., что превысило первоначальное задание на 15 247 829 р. [21, л. 73]. С другой стороны, из собранных средств на помощь голодающим выделялась, как было указано выше, лишь малая часть, остальное шло на пополнение государственной казны и решение внешнеполитических задач.

Таким образом, период установления новых отношений между властью и Церковью в рамках смены парадигмы государственного и общественного развития России оказался эпохой жестокой борьбы власти против Церкви. Очевидный антагонизм новой политической элиты государства в отношении Русской Православной Церкви, обусловленный стремлением советской власти к оформлению своего единоличного господства над страной, заставил Церковь по-новому взглянуть на свое место в жизни общества и государства. Весной 1917 года высшим иерархам и духовенству представлялось, что Церкви выпала возможность свободного и независимого от государства переустройства церковной жизни, однако уже к зиме 1918 года выяснилось, что такая возможность стала призрачной, а в ходе и по завершении кампаний по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей стало ясно, что основной задачей Церкви в отношениях с властью является выживание канонической Церкви любыми возможными и допустимыми для церковного сознания способами. Следует отметить, что на территории Тульской епархии не отмечено серьезных эксцессов, связанных с кампаниями по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей, подобных восстанию в Шуе (Ивановская губерния), что свидетельствует о стремлении избежать репрессий и сохранить епархию в условиях проявившейся тенденции к административному сокращению ее жизненного пространства путем ликвидации монастырей, закрытия под различными предлогами храмов, изъятия церковных ценностей.

Список литературы

1. Тульские епархиальные ведомости (далее – ТулЕВ). – 1917. – № 21/22.
2. «Церковная революция» 1917 г. в Тульской епархии // Вестн. ТулГУ. Сер. «Теология». – 2017. – (Ежегод. вып.). – С. 111–116.
3. ТулЕВ. – 1917. – № 7–10.
4. *Брылев, П., свящ.* История Тульской епархии. Новейший период : машинопись / священник П. Брылев. – Сергиев Посад, 1998. – 151 с. // Библиотека Моск. духов. акад.
5. ГУ ГАТулО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 4210.
6. ТулЕВ. – 1917. – № 29/30.
7. ТулЕВ. – 1918. – № 1–4.
8. Алфавитный список членов Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. // Сайт Александра Александровича Бовкало // URL:<http://www.petergen.com/bovkalosp/sobor1917.html> (дата обращения: 28.09.2019).
9. *Кашеваров, А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922) / А.Н. Кашеваров. – Москва : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2005. – 436 с.
10. *Шишкин, А.А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви / А.А. Шишкин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 368 с.
11. Церковные ведомости. – 1917. – № 38/39.
12. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / [том подготовлен док-ром ист. наук, проф. С.Н. Валком и др.]. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1957. – XII, 625, [1] с.
13. Декларация прав народов России // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/peoples.htm> (дата обращения: 28.09.2019).
14. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : док. и фотоматериалы. – Москва : Библейс.-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 328 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – Москва, 1942. – С. 150–151 // Исторические материалы : сайт URL: <http://istmat.info/node/28149> (дата обращения: 28.09.2019).

16. Письмо в СНК о недопустимости освидетельствования мощей преподобного Сергия // «В годину гнева Божия...» : послания, слова и речи св. Патриарха Тихона. – Москва, 2009. – 248–249.

17. Ермошкин, Г.Г. Подробности вскрытия раки и могилы св. Макария Жабынского / Г.Г. Ермошкин // Белевский пролетарий. – 1919. – № 23(49).

18. ГУ ГАТулО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 24.

19. ГУ ГАТулО (бывш. ЦНИТО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 142.

20. Русская Православная Церковь в Тульской области, 1918–1991 гг. : сб. док. и материалов ЦНИТО / отв. ред. Г.В. Макаренко. – Тверь : Булат, 2012. – 508, [3] с.

21. ГУ ГАТулО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1264.

UDC 272.5

TULA DIOCESE IN 1917–1922: CHURCH-STATE RELATIONS IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL CHANGES

Nikolay Evseev, Priest

PhD in History,

Head of the Department of General and
Church History,

Secretary of Academic Council

Tula Orthodox Seminary

E-mail: evseevnikolay@yandex.ru

For citation: *Evseev, N., Priest. Tula diocese in 1917–1922: Church-state relations in the context of socio-political changes // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 9. P. 97–113.*

Abstract

The article analyzes history of Tula diocese in 1917–1922 and Church-state relations in Tula region after the Great Russian Revolution.

Keywords: Church; Power; revolution; church revolution; diocese congress.

References

1. Tul'skie eparkhial'nye vedomosti [Tula Diocesan Gazette]. (hereinafter referred to as TulEV). 1917, nos. 21–22. (in Russian)
2. "Tserkovnaya revolutsiya" 1917 g. v Tul'skoi eparkhii [«Church Revolution» of 1917 in Tula Diocese] // Vestnik TulGU. Series «Theology». 2017 (annual issue), pp. 111–116. (in Russian)
3. TulEV, nos. 7–10, 1917. (in Russian)
4. *Brylev, P., Priest Istoriya Tul'skoi eparkhii. Noveishii period.* [History of Tula Diocese. Contemporary History]. MDA Library. Typewriting. Sergiev Posad. 1998. 151 p. (in Russian)
5. GU GATulO. F. 3. Op. 8. D. 4210 [The State Archive of Tula Region. Fund 3. Series 8. File 4210]. (in Russian)
6. TulEV. 1917, nos. 29–30. (in Russian)
7. TulEV. 1918, nos. 1–4. (in Russian)
8. Alfavitnyi spisok chlenov Vserossiiskogo Pomestnogo Sobora 1917–18 gg. [Alphabetical List of Members of the All-Russian Local Council 1917–18]. // (in Russian). Available at: <http://www.petergen.com/bovkalosp/sobor1917.html> (Accessed 28.09.2019).
9. *Kashevarov, A.N. Pravoslavnaya Rossiiskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [The Russian Orthodox Church and the Soviet State (1917–1922)]. Moscow, 2005. 436 p. (in Russian)
10. *Shishkin, A.A. Sushchnost' i kriticheskaya otsenka obnovlencheskogo raskola russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Essence and Critical Assessment of the Renovationist Schism of the Russian Orthodox Church]. Kazan, 1970. 368 p. (in Russian)
11. Tserkovnye vedomosti [Church Gazette]. 1917, nos. 38–39. (in Russian)
12. Dekrety Sovetskoj vlasti [Decrees of the Soviet Power]. Vol. I, Moscow, 1957. XII, 625 [1] p. (in Russian)
13. Deklaratsiya prav narodov Rossii [Declaration of Rights of the Peoples of Russia]. (in Russian). Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/peoples.htm> (Accessed: 28.09.2019).
14. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy [The Russian

Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and Photographs]. Moscow, 1996. 328 p. (in Russian)

15. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg.* Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR [Collection of Laws and Orders of the Government for 1917–1918. Administrative Department of the USSR Council of People's Commissars]. Moscow, 1942, pp. 150–151. (in Russian). Available at: <http://istmat.info/node/28149> (Accessed: 28.09.2019).

16. *Pis'mo v SNK o nedopustimosti osvidetel'stvovaniya moshchei prepodobnogo Sergiya* [A Letter to the Council of People's Commissars about the Inadmissibility of the Examination of the Relics of St. Sergius] // „V godinu gneva Bozhiyz...“. Messages, addresses and speeches of St. Patriarch Tikhon. Moscow, 2009, p. 248. (in Russian)

17. *Ermoshkin, G. G.* Podrobnosti vskrytiya raki sv. Makariya Zhabynskogo [Details of the Opening of the Grave of St. Makarii Zhabynsky] // *Belevsky proletarii*. 1919, no. 23 (49). (in Russian)

18. GU GATulO. F. 50. Op. 1. D. 24 [The State Archive of Tula Region. Fund 50. Series 1. File 24]. (in Russian)

19. GU GATulO. F. 8. Op. 1. D. 142 [State Archives of Tula Region. Fund 8. Series 1. File 142]. (in Russian)

20. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Tul'skoi oblasti. 1918–1991 gg.* [Russian Orthodox Church in Tula Region. 1918–1991]. Collection of documents and materials of TSNITO. / Executive editor G. V. Makarenko. Tver, 2012. 508 [3] p. (in Russian)

21. GU GATulO. F. 717. Op. 1. D. 1264 [The State Archive of Tula Region. Fund 717. Series 1. File 1264]. (in Russian)